

**РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО XIV – XVIII ВЕКОВ
В ТРУДАХ АКАДЕМИКА Н.Н. ПОКРОВСКОГО**

Статья посвящена памяти многогранного ученого – историка, археографа, источниковеда второй половины XX – начала XXI в. академика Н.Н. Покровского. В ней рассматриваются его исследования о разных категориях крестьян в различных регионах России – черносошных Центра и Севера в XIV – первой половине XVI в., урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Показано участие историка в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1970–1980 гг.

Ключевые слова: становление феодальной земельной собственности, черносошное землевладение, актывые источники, протест урало-сибирских старообрядцев, судебные материалы.

Научные интересы ведущего ученого (1930–2013, д.и.н – 1974, проф. – 1977, акад. РАН – 1992) и нашего современника акад. Н.Н. Покровского простирались в разных областях истории, источниковедения, историографии. Неоценим его вклад в археографию Сибири, фундамент которой он создал и которую целенаправленно развивал, привлекая к ней молодые силы.

Н.Н. Покровский окончил Истфак МГУ с «красным дипломом» в 1952 г. и в том же году «не без изрядных затруднений» стал аспирантом выдающегося ученого акад. М.Н. Тихомирова [8, с. 549, 551]. В качестве темы кандидатской диссертации М.Н. Тихомиров предложил Покровскому исследовать вопрос об одной из форм феодальной земельной собственности в России, а именно о «государственном (черносошном) землевладении». В отечественной историографии 1950–1960-х гг. среди различных аспектов социально-экономической истории дореформенной России ведущей была проблема формирования феодальной земельной собственности с органично присущей ей темой о характере землевладения черных или черносошных крестьян. Эта категория, довольно многочисленная в XIV – первой половине XVI в., несла совокупность налогово-повинностных обязательств, т.е. тягло, в пользу верховного правителя и собственника, будь то князь-

¹ Швейковская Елена Николаевна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, inslav@inslav.ru, Россия, г. Москва.

суверен и/или государь, особа и статус которого в средневековье олицетворяли собой государственное начало.

Черные крестьяне, как известно, жили во всех княжествах Руси, составивших со временем единое государство. Наряду с ними существовал и формировался разряд крестьян частных землевладельцев — светских (вотчинных, поместных) и духовных (церковно-монастырских). Во второй половине XVI в. ареал распространения в Центре черных земель и крестьян постепенно и неуклонно сокращался, и к середине XVII в. они были сосредоточены на севере Европейской России и в Сибири; в XVIII в. эта категория составила костяк государственных крестьян.

Н.Н. Покровский рекомендованную М.Н. Тихомировым тему о формировании феодальной собственности и роли в этом процессе черного землевладения в России в XIV — начале XVI в. стал разрабатывать одновременно на материалах двух регионов — Центра и Севера. Этот методический принцип, мало применяемый в работах начала 1950-х гг., обусловил сравнительно-исторический ракурс изучения в рамках двух крупных регионов Руси. Тема исследования всецело соответствовала приоритетным поисковым проблемам истории России XIV—XVII в., на которых были сосредоточены в ту пору отечественные ученые. Для ее реализации Н.Н. обратился к публично- и частно-правовым актам XIV — первой половины XVI в. Именно акты — тот вид источников, который позволяет поставить и разносторонне осветить тему о поглощении черных земель частнофеодальными владельцами, светскими и духовными. Примечательно, что проблема сущностного развития феодализма в средневековой Руси и вопросы актового источниковедения занимали значительное место в работах видных историков того времени М.Н. Тихомирова, С.Н. Валка, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина, А.И. Копанева, Н.Е. Носова, несколько позже С.М. Каштанова и др.

На 1950-е гг. пришелся начальный этап полемики между ленинградскими и московскими историками о природе землевладения черносозных крестьян. Вступавший в историческую науку Н.Н. Покровский развивал точку зрения, что земли, не принадлежавшие светским и духовным феодалам, находились в верховной собственности государства в лице князя, возглавлявшего феодальную иерархию в данном княжестве. Характер же такой собственности проявлялся неодинаково в разных местах и в разное время, иногда приближаясь к номинальной зависимости, а порой к собственности духовных и светских вотчинников [6, с. 7, 93–94].

Диссертация Н.Н. Покровского, отредактированная М.Н. Тихомировым в 1956 г., увидела свет только в 1973 г., однако на протяжении почти 20 лет ученые использовали ее положения и выводы. Так, Г.Е. Кочин в параграфе своей монографии о борьбе крестьян черных волос-

тей с наступавшими феодалами писал: «Н.Н. Покровский, автор диссертации «Актовые источники по истории черносошного землевладения в России (XIV – начало XVI в.)», приводит многочисленные указания в сохранившихся источниках на случаи перехода черных земель в руки монастырских, церковных и светских феодалов. Им отмечено свыше двухсот таких случаев за XV в.» [3, с. 393]². По причине нахождения исследования в арсенале ученых Н.Н. Покровский при публикации книги «не счел возможным изменять и дополнять ее неизданный текст» [6, с. 9]³.

С начала 1960-х г. полемика о природе черной волости переросла в дискуссию⁴, которая длилась более 20 лет⁵. В свое время в литературе ей было уделено достаточное внимание. Вкратце напомним о взглядах

² Здесь автор ссылается на с. 238–242 диссертации Н.Н. Покровского и на приложения. Замечу, что в книге А.Д. Горского «Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV – XV вв.» (М., 1960) в очерке о крестьянском землевладении (С. 113–161), содержательно связанном с темой, изученной Н.Н., ссылки на его диссертацию отсутствуют.

³ По диссертации до выхода монографии были опубликованы следующие статьи: *Покровский Н.Н.* К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV–XVI вв. // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1956. № 2. С. 125–140; *Он же.* О поземельной структуре крестьянской общины русского Севера XV – первой половины XVI веков // Бахрушинские чтения 1966 г. Вып. 2. Новосибирск, 1968; *Он же.* Купчие, данные и меновные грамоты как источник по истории черносошного землевладения России XIV – первой четверти XVI в. // Новое о прошлом нашей Родины. М., 1969.

⁴ Началась с рецензии И.И. Смирнова на монографию Л.В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства» (М., 1960), придавшей полемике дискуссионный характер: *Смирнов И.И.* Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. // История СССР. 1962. № 2, 3; *Носов Н.Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 44–70.

⁵ См., например, о ней: *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 126–252; Социально-экономические проблемы Российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов/Д., 1980; *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. Реакцию на полемику см., напр.: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; *Данилова Л.В.* Сельская община в средневековой Руси. М., 1994; *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII в. М., 1997;

дискутирующих сторон. Дебатировался сущностный вопрос, были ли объединенные в общины черные крестьяне собственниками своих держаний, как считали ленинградские историки (И.И. Смирнов, А.И. Копанев, Г.Е. Кочин, Н.Е. Носов, Ю.Г. Алексеев и др.) или возделываемая крестьянами земля была в верховной собственности государства, так считали московские историки (Л.В. Черепнин, А.Д. Горский, В.Л. Янин, С.М. Каштанов и др.). Подчеркну, что кандидатское исследование Н.Н. Покровского уже в начале его творческого пути по важности и остроте проблематики, по использованию внушительного массива актовых источников, по полученным выводам вписалось в актуальное направление современной ему историографии.

Прежде всего, оно ценно источниковедческой ориентированностью темы. Ученый основательно охарактеризовал главные разновидности актов: 1) жалованные и указные грамоты и их группы и подгруппы, обусловленные оформлявшимися ими отношениями; 2) судные списки как протоколы судебного разбирательства и правые грамоты, т.е. решения суда, выданные выигравшей стороне, а также связанные с ними судимые, срочные, безсудные грамоты; 3) грамоты, оформлявшие частные сделки с недвижимостью — купчие, данные, меновные, а также заемные закладные кабалы, которые регистрировали договор займа, сопровождавшийся залогом должника своей земли; 4) духовные и деловые грамоты феодалов, которые устанавливали факт наследования и раздела имущества между наследниками, а также некоторые другие. Комплексный подход к характеристике разновидностей актов обусловил разностороннее использование их содержания для выяснения способов «поступления крестьян в зависимость от феодалов, о видах и размере феодальной ренты, об отношениях между феодалами и крестьянской общиной» [6, с. 3, 11–20, 20–26, 46–62, 62–72, 72–83, 92].

При анализе сведений актов, особенно судебных, Н.Н. настаивает на необходимости проверки их достоверности. Повышенная критичность вызвана тенденциозностью таких документов, так как в них зафиксированы не только различные позиции черных крестьян и феодалов в борьбе за землю, но главное, результат «деятельности феодального суда, направленной на укрепление феодальной земельной собственности» [6, с. 26–27]. Ученый заостряет внимание на существенном вопросе, отраженном в содержании судебных актов, а именно о землевладении общины чернососных крестьян. Применив ком-

Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 156–162. Заслуживает внимания высказывание Н.А. Горской о комплексе «проблем, ставших в историографии 1960–1980-х годов предметом неразрешимых дискуссий — статус земель, население которых находилось в зависимости только от государственной власти в лице князя (по терминологии источников с конца XIV в. — “черные”, т.е. тяглые)». Там же. С. 161.

паративные приемы анализа к отдельным частям правых грамот, он установил состав органов самоуправления в черных общинах, определил земли индивидуального и общинного владения, выяснил способы распоряжения земельными участками: отдачу в наем, на льготу, отвод крестьянину-новоприходцу [6, с. 31–34, 36–39, 103–114].

Изучение частных имущественных актов – данных, купчих, закладных и др., которыми оформлялись разнообразные земельные сделки как в Центре, так и на Севере (в Подвинье), убедило Н.Н. в существовании региональных особенностей. Они зависели от различий социального статуса участников сделки и принадлежности реализуемой земли. Покровский проследил, как в результате отчуждения крестьянами своих земельных участков они переходили: во-первых, к отдельным феодалам, и тем самым раскрывается реальный процесс формирования феодальной земельной собственности, во-вторых, передавались по сделкам – от одного крестьянина к другому, и такие случаи выявляют разнообразие поземельных и социальных отношений внутри общины. Принадлежность контрагентов земельной сделки (сущностно единой для каждого ее вида) к одной или разным социальным категориям, в особенности полярно противоположным, имела неоднозначные последствия. Если в одних случаях совершалось внутреннее перераспределение земли между феодалами или между крестьянами, то в других коренным образом изменялись экономические отношения между вступающими в нее контрагентами [6, с. 49–52, 48–62].

В ходе своего исследования (оно написано, повторю, в 1952–1956 гг.) ученый убедился в существовании черных земель в XIV–XVI вв. в главных княжествах и в значительном числе мелких и удельных княжеств Центральной России и в господстве таких земель на Севере в Подвинье. Он квалифицировал черные земли как «собственность феодального государства» в лице верховного собственника – князя, а черносошных крестьян как плательщиков различных податей в его пользу. Важно, что Н.Н. обнаружил у черносошных крестьян в сравнении с частновладельческими 1) более слабую феодальную зависимость, 2) значительные владельческие права на землю, включая распорядительные сделки. Главное же отличие между двумя изученными формами землевладения – это различные темпы и пути, которыми шла феодализация в Центре и на Севере. В Центре основным из таких путей был «процесс перехода черных земель в руки отдельных феодалов», способы которого разнообразились от княжеского пожалования (фиксировавшего, в том числе результат неправого феодального суда, незаконной сделки с черным крестьянином) до насильственного захвата черной земли. На Севере феодализация велась, по-преимуществу, посредством «увеличения власти великого князя на эти (черные – Е.Ш.) земли», нараставшей «как по линии присвоения великим князем монопольного права по распоряжению черными землями, так и по ли-

нии усиления податного обложения». В целом же, значение черных крестьянских земель ученый оценивал как основной источник образования «земельной собственности класса феодалов» [6, с. 226–228].

В первой монографии Н.Н. Покровский зарекомендовал себя знатоком актовых источников XIV–XVI вв.; он показал владение тонким источниковедческим анализом разновидовых комплексов актов, верификационным сочетанием их сведений, что обеспечило доказательность содержательных трактовок и убедительность выводов. Изученная проблема предстала в своей многомерности, различной темпоральности, неоднозначности протекавших процессов феодализации в Центре и на Севере страны. Это исследование выдвинуло Н.Н. Покровского в первый ряд отечественных историков средневековой Руси.

По завершении аспирантуры и успешной защиты в 1956 г. кандидатской диссертации Покровский по рекомендации своего руководителя М.Н. Тихомирова был принят ассистентом на кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин истфака МГУ. Знаменательное начало карьеры молодого университетского преподавателя и ученого! Однако проработал Н.Н. на кафедре лишь около двух лет. В своей личной истории Н.Н. Покровский осознанно и смело сделал решительный поворот. Он в числе 9 участников возникшей на истфаке МГУ «группы Краснопевцева – Ренделя», квалифицированной КГБ как «университетское дело», был арестован 30 августа 1957 г. В феврале 1958 г. Мосгорсуд приговорил его и других осужденных по ст. 58, п. 10, ч. 1 и п. 11 УК РСФСР к 6 годам заключения в одном из мордовских лагерей Дубровлага. По приговору после отбывания срока он навсегда лишился права жить в Москве. Освободился Н.Н. в августе 1963 г. Отменен приговор был 3 мая 1989 г. по постановлению Президиума Верховного суда РСФСР, все осужденные по нему реабилитированы [2].

После освобождения Н.Н. Покровский работал в 1964–1965 гг. во Владимиро-Суздальском историко-художественном музее-заповеднике сначала заведующим отделом, потом заместителем директора. В 1965 г. по совету своего учителя он переехал работать в созданный акад. Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым Новосибирский Академгородок. Этому растущему научному центру акад. М.Н. Тихомиров передал в дар весьма обширную личную коллекцию древних документов, книг и рукописей с условием, что их научное описание будет поручено Н.Н. Покровскому, который этим уже занимался ранее⁶. Хорошо из-

⁶ В составе коллекции было 648 славяно-русских рукописных книг XIV–XIX вв., 24 иностранных рукописи, 94 старопечатные книги XVI–XIX вв., архив документов XV–XIX вв. См.: *Покровский Н.Н.* Археографические исследования в работе Института истории СО РАН (1965–2006) // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2011. С. 62.

вестна развернутая ученым масштабная археографическая деятельность в Зауралье и Сибири и его огромный вклад в развитие полевой и эдиционной археографии. В Сибири ученый прожил и проработал до своей кончины.

В Новосибирске Покровский обратился к важной проблеме общественного сознания и психологии крестьян, заселявших Сибирь в XVII–XVIII вв. Конкретно его привлекло широко развернувшееся в XVIII в. движение урало-сибирских старообрядцев. Обращение к малоисследованному в отечественной историографии феномену старообрядчества вылилось в монографию с характерным для того времени названием: «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.» (Новосибирск, 1974; была защищена как докторская диссертация). В ином ракурсе тогда подобную тему поставить и изучать было трудно. Хронологически исследование охватывает 20–80-е гг. XVIII в., т.е. принципиально другой исторический период – абсолютизма, а не средневековья, как первая книга. Задача монографии состояла в исследовании социального протеста урало-сибирских крестьян, который был воплощен в религиозной форме старообрядчества и направлен против тесно взаимодействующих официальной церкви и абсолютистского государства, что происходило в условиях продвигающейся крестьянской колонизации региона.

Фундаментальной разработки эта тема в отечественной историографии конца XIX – первой половины XX в. не имела. Приведя отдельные упоминания о старообрядческих выступлениях в советской исторической литературе рубежа 1960–1970-х гг., Н.Н. подвел следующий итог: «...советская историография *правильно наметила* (курсив мой – Е.Ш.) пути и методы подхода к проблеме антифеодального крестьянского протеста XVIII в. в старообрядческой форме. Однако продвижение по этим путям только начинается» [7, с. 21].

Н.Н. Покровский привлек к исследованию столь новой темы значительный объем разнообразных источников. Конечно же, созданные в старообрядческой среде сочинения и документы разного характера – исторического, догматического, полемического, эпистолярного. Этих источников, как и догматической сущности споров в разных старообрядческих согласиях, я не касаюсь.

Ученый ввел в оборот «новый тип статистических источников – материалы исповедального и старообрядческого учета», которые возникли в связи с указом Петра об обязательности исповеди православного населения и двойном окладе старообрядцев. Наряду с ними и как реакция на протесты старообрядцев составлялись ведомости их фискального учета, противоречивые в своей основе. Названные учетные материалы в совокупности с данными ревизий, а их правительство в течение 1720–1780 гг. провело четыре, составили обширный и прочный источниковый фундамент исследования. Вместе с тем рабо-

та с такого рода документами, и не только с ними, побудила ученого к ценным источниковедческим высказываниям и заключениям. Он поставил важнейшие для анализа разнохарактерных учетных материалов вопросы: о репрезентативности учетных данных, о степени достоверности их показателей и, главное, возможности их сопоставления в целях выяснения численности старообрядчества как в целом, так и в конкретной, часто кризисной, ситуации. В последней связи Покровский сделал следующее глубокое замечание: «Нужно лишь не задавать этому источнику тех вопросов, на которые он не в состоянии ответить. И в первую очередь — вопроса о численности всего старообрядчества в данной местности (а не только той его части, которая изъявила желание платить двойной оклад)» [7, с. 25–28]. Это высказывание, соответствующее по своей основополагающей сущности важнейшим, программным принципам теоретического источниковедения, которое само в 1960–1980-е гг. переживало стадию дисциплинарного совершенствования и углубленного развития, в настоящее время осмысливается уже как постулат.

В связи с использованием законодательных актов Н.Н. заострил внимание на вопросе большой значимости, а именно, на необходимости «изучения различий в трактовке одного и того же законодательного материала светскими властями, духовенством и самими крестьянами-старообрядцами». Учитывая это обстоятельство, ученый считал плодотворным сопоставление законодательных источников с судебно-следственными [7, с. 28–29].

Массовым источником монографии стали судебно-следственные материалы, которые Н.Н. Покровский квалифицирует как «комплекс типологически разнородных источников, подобранных по сравнительно бюрократической однородной схеме»⁷. Преобладали же среди них документы самого следствия. Именно они «доносят до нас подлинный голос урало-сибирского крестьянства XVIII в., обычно в записи церковных канцеляристов, но иногда и непосредственно», — считает ученый. Он проникновенно продолжает: «Историк не может пройти мимо волнующих строк судебно-следственных дел, фиксирующих солидарность, уверенное мужество крестьян в отстаивании свободы совести, их гордое презрение к насильникам, спокойное осознание в консисторских или преображенских застенках самодовлеющей ценности своего внутреннего мира». Покровский делает специальный акцент на понимании следователями XVIII в. важности биографических сведений и выделяет вопрос их достоверности. В этой связи интересно следующее его высказывание: «Судьи просвещенного абсолютизма как

⁷ Схема была следующая: донос — арест — «кровавый механизм следствия: допросы, пытки, очные ставки»; итог следствия — краткий экстракт, составленный в консистории. [7, с. 31–33].

духовные, так и светские имели обыкновение считать грамотность подследственного отягчающим обстоятельством, если не прямой уликой. Нередки поэтому случаи, когда объявляли себя неграмотными, даже крестьяне, обучавшие грамоте других» [7, с. 29–30].

Прослеженный Покровским социальный состав протестующих был представлен, в основном, разными слоями крестьян, как старообрядцев, так и православных, и в меньшей мере казаками, горнозаводскими рабочими, гулящими людьми, т.е. беглыми вчерашними крестьянами. Другими словами, Н.Н. считает характер протеста на Урале и в Сибири «общекрестьянским» и весьма интенсивным. Он раскрывает сложное переплетение в протестных выступлениях религиозных, социальных, политических мотивов. Среди социально-политических факторов были: отказ от присяги «антихристовой» императорской власти (например, в 1722 г. в Тарском городе с сельской округой, сопровождавшийся горячами), включение в двойной подушный оклад старообрядцев (в 1730–1740 гг.), запись в раскольники, ревизский учет, насилия администрации и др. Чаяния крестьян устремлялись к достижению фискальной независимости, свободы от подушной подати, от рекрутчины, в неподконтрольности общинного управления и суда местной администрации, в реальной возможности обходиться без попов и консисторских предписаний [7, с. 334–337]. Проанализированный огромный фактический материал уполномочил историка на наиболее важный, как я думаю, итог: «Социально-экономическая и политическая реальность неизбежно трансформировала и раскольническую эсхатологию, и христианские идеи пустынножительства, приспособивая их для целей антифеодального протеста, в первую очередь пассивного. Но как только недовольство крестьян проявлялось в форме открытых активных выступлений, старообрядческий протест неизбежно отодвигался на задний план» [7, с. 390].

Пристальное внимание Покровского к трактовке нового документального материала, впервые вводимого в изучение, полученные новые, оригинальные выводы стали залогом создания научного труда большой значимости. Он насыщен многообразными фактами и жизненными коллизиями, активно действующими лицами разной социальной принадлежности и положения, острыми ситуациями и трагичными обстоятельствами — коллективными саможжениями, жестокими пыточными расследованиями, действиями военных команд, почти фантастическими побегами арестованных из-под стражи и из Тобольской тюрьмы. Книга наполнена реальными людьми, она антропологична по своему характеру, и вместе с тем, она подкупает активной позицией и внутренней сопричастностью автора к рассматриваемым историческим событиям.

Из сказанного может сложиться мнение, что я уделила чрезмерное внимание источниковедческому аспекту при характеристике назван-

ных работ Покровского. Однако первая монография посвящена именно актовым источникам XIV – начала XVI в. по четко обозначенной теме – истории черносошного землевладения в России. Заключение книги о протесте старообрядцев ученый начинает следующей мыслью: «Вряд ли будет преувеличением утверждать, что наиболее важным и волнующим итогом приведенных нами показаний источников XVIII в. является вывод о необычайной интенсивности идеологической борьбы крестьян с феодальной церковью и государством. Крестьянская гибкость, практицизм отнюдь не мешали проявлениям бескомпромиссной готовности идти на любые жертвы в острых кризисных ситуациях. Такое сочетание гибкости и мужества приводило к постыдному краху самые хитроумные инквизиционные планы как церковных поклонников дыбы, так и вольтерьянствующих сановных экзекуторов» [7, с. 367].

Я полагаю, что в научном творчестве Н.Н. Покровского глубокий анализ источников играл роль хорошо настроенного инструмента для высоко профессионального исполнения. Приведу слова другого ученика М.Н. Тихомирова В.А. Александрова: Михаил Николаевич «заложил умение анализировать источник и понимание достоверности или сомнительности сообщаемого им факта. В это время сам он выделялся как крупнейший источниковед» [1, с. 36]. Не меньшее значение в творчестве Н.Н. Покровского имела и ориентация на достижения отечественной историографии второй половины XIX – XX в., в том числе и первого десятилетия XX в. В частности, я имею в виду работы А.С. Лаппо-Данилевского по дипломатике частных актов и методологии исторического знания и построения [4, 5]. Он развивал концепцию, в которой отводил первостепенное место историческому источнику как реализованному продукту человеческой психики, для познания же прошлого через источник и адекватного его воссоздания вводил понятие «чужой одушевленности» и сочувственного вживания в изучаемые события [4, вып. 2, с. 375]⁸. Даже несколько приведенных выше цитат из монографии Покровского о протесте старообрядцев с несомненностью подтверждают его квалифицированное умение встраиваться в события далекого прошлого и вживаться в чужое «Я». Результатом же было проникновение в глубины крестьянского сознания, которое воплощалось в социальном утопизме, выражалось в перипетиях борьбы старообрядцев с церковью и государством, отливалось в народные правовые представления.

⁸ См.: Швейковская Е.Н. «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского и «Апология истории или ремесло историка» М. Блока: опыт источниковедческого сопоставления // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1996. С. 380–385.

Значительное место в научной деятельности Н.Н. Покровского занимало участие в сессиях Всесоюзного симпозиума по изучению аграрной истории. На протяжении 1970–1980 гг. он активно откликался своими докладами и / или выступлениями в прениях на обсуждение проблем, ставившихся на сессиях, вводя вновь найденные архивные источники, предлагая новые и порой неожиданные постановки тем. В.А. Александров, став в 1976 г. заместителем председателя Оргкомитета аграрного симпозиума, предложил на сессиях симпозиума обратиться к историко-правовому ракурсу при изучении положения крестьянства, сосредоточившись на его отношениях с государством и феодалами. Александров привлек Н.Н. к разработке такой тематики для секции XVIII в. Ученым удалось обратить внимание участников на «многообразие идеологических взглядов крестьянства, на историю его семейного строя и быта», дополнив и расширив тем самым социально-экономические вопросы [1, с. 95].

Научный поиск Н.Н. Покровского на рубеже 1980–1990 гг. сместился в сторону новой и снова мало исследованной проблемы о взаимосвязях общества и государства. Он написал книгу «Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры» (Новосибирск, 1989). Через 2 года увидела свет монография, написанная Покровским в соавторстве с Александровым, и более широкая по постановке проблемы: «Власть и общество: Сибирь в XVII в.» (Новосибирск, 1991). Примечательно, что Александров и Покровский, оба ученики Тихомирова, оказались единомышленниками и объединили свои творческие усилия для разработки названной большой проблемы.

Литература

1. Александров В.А. Путь в историю, пути в истории (моя жизнь). М., 1998.
2. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4.
3. Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI в. М.-Л., 1965.
4. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1911–1913. Вып. 1–2.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.
6. Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973.
7. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.
8. Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007.